

Катя Капович

Американские истории

Друг президента Клинтона

Наш эмигрантский лойер мне говорит:

– Ты не можешь снова выйти замуж!

– Это почему же?

– Я только что просмотрел твои бумаги, ты до сих пор в браке с предыдущим мужем.

– Я развелась с ним!

– Ничего подобного!

– Клянусь!

– Клясться будешь в суде! Правую руку на Библию – и клянешься. Ты меня слушай, ты – замужняя женщина! Твой муж живет в Израиле!

– Этого не может быть. Мы с ним развелись в израильском суде перед отъездом, там мне дали бумажку.

– Вот именно что бумажку! Ты получила справку в государственном суде Израиля, что они не против вашего с мужем развода и что дело передано в раввинат. Я, в отличие от тебя, могу прочесть, что написано в документе!

Наш лойер – русский израильтянин, живущий в Америке, он знает.

– Что же мне делать?

– Надо поехать в Израиль, найти мужа, пойти с ним в раввинат и попытаться их уговорить ускорить развод.

– Но я уже десять лет живу здесь без всякого мужа, неужели мой брак все еще в силе?

– Он только сильнее стал. Как вино давно минувших дней...

Наш лойер – из Одессы. Одесситы любят цитировать поэзию в самую неожиданную минуту.

– Сколько может занять развод, если я поеду?

– Пару лет. Поживешь в стране, будешь навещать нас.

Меня поражает беззаботность, с которой лойеры говорят о жизненных сроках.

– Неужели совсем-совсем ничего нельзя сделать?

Мой голос звучит так жалостно, что лойер в замешательстве. Ничто не действует так плохо на мужчину, как плачущий женский голос. Он с самого начала не хотел заниматься нашими делами, потому что мы не можем заплатить полную сумму. Обратились мы к нему по протекции знакомого, и теперь он, наверное, локти кусает, что согласился. После длинной паузы, во время которой слышен звук перелистывания бумаг, лойер – зовут его Грегори – говорит:

– У тебя в Израиле мама живет – по документам.

Это так, мама там, она осталась, когда я уехала в Штаты, и предполагалось, что я вернусь после защиты диссертации обратно, найду работу в университете и т. д.

– И не только по документам.

– Остричь будешь потом, в тюрьме. Ты попроси маму, чтобы она похлопотала. Сейчас Трудовая партия у власти, пусть мама напишет в кнессет, попросит за тебя как гражданка страны. Это, конечно, полное безобразия!

– Я тоже так считаю!

– Безобразия, что ты не развелась!

– А-а... – говорю я разочарованно.

Насчет института брака... Считаю его бессмысленным. В нем для некоторых есть, конечно, свои приятности – наследство, дом, счет в банке... Но вред еще большему количеству людей. Он – прихоть для людей со средствами. Это то же, что иметь докторскую степень по плетению макраме. Так вот у меня по плетению макраме уже докторская степень. Я два раза была замужем, каждый раз в собственных же нитках запутывалась.

Первый раз в законном браке я была в Советском Союзе, длилось это два месяца. Как и брак, развод не был желанным – так надо было. Поженились мы с возлюбленным с целью подачи

совместных документов для выезда за границу. После этого его сразу же арестовали за хранение и распространение нелегальной литературы. Разводило нас, строго говоря, КГБ. Позвонили и сказали зайти в суд подписать свидетельство о разводе.

– А если мы откажемся? – спросила я гэбиста по телефону.

– Вы хотите навещать его в лагере?

– Нет, не хочу. То есть хочу. То есть ни в коем случае!

– Хочу, не хочу... Вы уж там определитесь... – пошутил он.

Мы определились, пришли в суд, подписали все. Через две недели он летел в самолете Москва – Рим, а я сидела на балконе в Кишиневе, пила водку, смотрела на падающий снег и размышляла, потревожу ли соседей, если сейчас перелезу через перила и полечу следом.

Второй брак был тоже вынужденный. Причина была аналогичная. Мы должны были вместе с моим вторым подать документы для выезда в Израиль, и для этого – официально состоять в браке. Мы заполнили в загсе заявления, нам назначили дату бракосочетания. Когда срок подошел, я ему сказала, что надо идти в загс расписываться. Он посмотрел на меня как на полоумную:

– Ты же видишь, что я не форме!

– Вижу.

– Что же ты хочешь?

– Хочу выйти замуж и вывезти тебя в Государство Израиль.

– Я даю тебе согласие на женитьбу, но в загс сходи без меня!

– А что? Может, так даже лучше.

– Конечно, дорогая, лучше!

Он открыл бутылку каберне и налил себе и мне.

– За нас!

Я не стала пить, потому что было только девять утра. Не в форме любимый был уже второй месяц, потому что находился в серьезном запое. В обеденный перерыв на работе я купила букет цветов и поехала в загс. Три девушки встретили меня дежурными улыбками, поздравили и спросили, когда подойдет жених.

– Он не подойдет, давайте без него! Вот паспорта!

Они весело рассмеялись. В наши загсы берут на работу таких славных девчат, ведь надо создавать иллюзию веселья хотя бы в пределах помещения. Мы постояли. Я поставила цветы в вазу. За дверью звучали голоса, там собиралась толпа для следующего бракосочетания.

– Не придет он, девочки, запил мой... Ну, вы ж поймите!

Так устроен наш народ. Наш народ не понимает слово «счастье», не поймет и слова «горе», но понимает слово «запой». Они пошептались и расписали нас с моим вторым. Через четыре месяца мы с ним улетели в Израиль, еще через два года я попала в Америку, будучи в полной уверенности, что я свободная женщина. Здесь, в Америке, начала жизнь по новой. Училась, работала, встретила родного человека. Я бы с радостью просто любила и жила с ним без всяких брачных свидетельств. Но он там находился по студенческой визе, которая уже практически истекла. Брачное свидетельство было нужно, чтобы эту визу продлить. Почему людям не верят на слово в этом мире? Кому от этого легче? Ведь лгуны всегда смогут солгать так убедительно, что нам и не снилось. Ложь выглядит гладко, правда – царапает глаз.

Мой лойер меня обнадежил: в связи с приездом Клинтона в Израиль будут всякие помилования по демократической линии. Демократическая линия заключается в том, чтобы отделить религиозный институт от государства. Я совершенно согласна с демократической линией – надо их отделить и развести меня наконец. Я позвонила маме в Израиль.

– Мама, я замужем!

– Поздравляю.

Мамин голос не звучал слишком радостно.

Когда я сказала, что все за тем же, мама захохла. Она у меня человек законопослушный. Моя мама никогда не нарушила никакого закона. Она тридцать лет возглавляла в Академии наук отдел комплектования научной литературы, имела дело с крупными суммами в валюте. Из-за моих диссидентских хождений в народ маму таскали в КГБ, поднимали документацию за много лет, искали хоть какое мелкое нарушение и – ничего не нашли. Моя мама – просто обычный честный человек. Я похожа на отца, отец – человек творческий, с огромным воображением. Отец сидел восемь лет. А мама всегда работала на одном месте, тянула лямку, растила меня. И главное – никогда не осуждала нас с отцом ни за что. Конечно, она бы хотела, чтобы я была немножечко счастливей. И немножечко обыкновенней. Потом она приняла судьбу. Мне кажется, что в какой-то момент она себе сказала: «Я сделала все, что могла.

Что есть, то есть!». Так уж мамы устроены. Мне она говорит, что в целом довольна тем, что получилось. Единственное, что мама с трудом переносит, – это бессилие. «Ну, я им покажу!» – говорит она. Она идет в раввинат, там ей объясняют, что при всем уважении они не разводят мужа с женой по требованию мамы. Мама переживает, она не может помочь мне. Она едет к моему законному мужу, и они отправляются в раввинат вместе. Опять отказ. Мама так переживает, что у нее начинается какая-то рябь в глазах. Давление или что-то еще. Сотрудники на работе говорят, чтобы она сходила к лечащему врачу. Она послушно едет в поликлинику, врач осматривает ее, слушает сердце, измеряет это самое давление три раза и, не найдя ничего по своей части, направляет к глазнику. Глазник проверяет мамино глазное дно, с ним все в порядке. И отправляет ее просто отдохнуть. Уже перед самым ее выходом он говорит: «А вы знаете, что у вас довольно редкая чувствительность зрачков? С такой чувствительностью люди обычно хорошо видят в темноте. Вы хорошо видите в темноте?». Мама хорошо видит в темноте. Она кивает и выходит за дверь. Глазник ее догоняет в коридоре. Мама удивлена, когда он просит ее зайти еще на минуточку для разговора. Они возвращаются, и глазник говорит:

– Стране очень нужны добровольцы – патрулировать город в поисках подозрительных предметов.

Мама недоверчиво смотрит на него, как на тот самый подозрительный предмет. Мама не любит странные шуточки и говорит это глазнику прямо в глаза. Она снова пытается уйти, ей пора на работу. Глазник показывает брошюру, в которой черным по белому справа налево написано про добровольцев с острым зрением.

Она на минуту присаживается на край стула: «Ну что ж, если я нужна Израилю...».

И вот на шестьдесят втором году жизни мама вступает в ряды добровольцев ЦАХАЛа. Она проходит трехдневный инструктаж, делает подробный конспект, получает обмундирование. В него входят бронезилет, шлем и ботинки. Почему ботинки? Потому что у патрульного ноги должны быть в тепле, как у суворовского солдата. Два раза в неделю она служит стране. Только начинает темнеть, как за мамой заезжает пятнистый джип. В нем кроме водителя два солдата с автоматами – по сути, в мамином подчинении. Она сидит

рядом с водителем на переднем сиденье и зорко всматривается во все, что на дороге и вокруг дороги. Я жила в Израиле, это великая страна. Как в любой великой стране, в ней есть великие проблемы. Как и везде, эти великие проблемы решают не политики, а самые обыкновенные люди. Я вижу ее: рост сто шестьдесят четыре сантиметра, рыженькая, такая обыкновенная еврейская мама, и вдруг – бронезилет, каска, на ногах военные ботинки. Она всматривается в сумеречные улицы великого города, разглядывает груды мешков, выброшенные мусорщиками возле центрального рынка. Однообразные груды в черных пластиковых мешках – разве тут углядишь что-то? Ее карие глаза проникают темноту, потому что у нее такие неординарно чувствительные зрачки. И еще интуиция. Она – военная девочка. Когда ей было шесть лет, и грохотала война, и гналась по пятам, бабушка и мама отправились из родного города далеко-далеко. Они остались вдвоем, дедушка не успел на поезд. Их везли в эвакуацию в Среднюю Азию. Первый их поезд разбомбили прямо на территории Молдавии. Где-то они ночевали, ждали, пока не пришел другой поезд. И вот сели... Всю долгую дорогу она выходила на остановках и писала на вагонах поездов, идущих в обратном направлении, к линии фронта: «Папа, мы, мама Рая и дочь Ада, едем в поезде в Киргизию в город Фрунзе!». Она писала это на очень многих поездах и, когда не было мела, то выцарапывала это осколком стекла, камнем, гвоздем на зеленой краске вагона. Повторю эти слова: осколком стекла, камнем, гвоздем. Так делали многие во время войны, и это называлось «вагонной почтой». На одной из станций люди, знавшие деда Наума, прочитали мамино послание. Они прибежали к нему, и дед поехал искать. В Среднюю Азию, в сторону Фрунзе, где ему сообщили, что жена с дочкой в Кара-Суу. Он поехал в Кара-Суу, и там семья, наконец, воссоединилась. Но мы отклонились от темы.

Итак, пока мама после работы патрулирует улицы Иерусалима, я в кафе размышляю над своей долей. Как многие необыкновенные люди с воображением, я – пессимист. Звонит лойер:

- Ну что? Все нормально?
- Да.
- Раввинат дал согласие?
- Нет.
- Что же ты говоришь «нормально»?

– А потому что я так и знала!

Бывает благородный пессимизм. Но мой пессимизм идет от малодушия. Я заранее готова от всего отказаться. Конечно, я бы хотела иметь многое, чего у меня нет. Господи, сколько раз я прокручивала в голове, как однажды, получив литературную премию, поеду путешествовать. Италия? Франция? Я остановлюсь в простой гостинице у моря... Но для этого всего мне не хватало силы духа. Сила духа – довольно важная вещь. Во-первых, она нужна, чтобы не бояться проиграть. Я боюсь проиграть, поэтому малодушно отказываюсь от всего. Мама тоже пессимист, но другой. Мама говорит: «Я сделаю, что в моих силах, а остальное – пусть Бог решает». Такой пессимизм горы двигает.

Мама днем работает в центральной детской библиотеке Иерусалима. На работе ее любят. Она очень организованная и работающая. Сотрудница Шломит полагается на маму, когда ей нужно отпроситься, – мама делает работу за двоих. Еще у них есть охранник, его зовут Ури. Бывший военный. Из-за ранения в спину в последней войне в Персидском заливе вынужден был уйти из армии и теперь стоит перед дверьми в детский читальный зал. Он неизменно там, даже когда ему не может быть. Он очень любит детишек... И он обожает маму, которая патрулирует город по ночам. Мама с ним советуется насчет моих дел и потом передает мне его слова. «Надо добиваться!» Мы обсуждаем с ней по телефону, какой делать следующий шаг. Она уже написала в кнессет Ицхаку Рабину, но ответа не получила. Ждать дальше или писать еще раз? Мой лойер говорит: пусть еще раз напишет и упомянет, что она – доброволка в рядах ЦАХАЛа. Что у нее непутевая дочь, которая живет в Америке, имеет грин-карту, хочет образовать семью, но до сих пор в браке с предыдущим мужем. В общем, чтобы мне помогли.

Я передаю маме текст прошения, как мне его надиктовал мой лойер, и она записывает, чтобы потом перевести на иврит и послать Ицхаку Рабину, Шимону Пересу, в ООН, Господу Богу. Она так не остановится. Потом мы говорим о всяких домашних делах, о том, что я делала позавчера. Позавчера я читала книжку и смотрела сериал по телевизору.

– А ты, мама?

– Тоже ничего особенного. Зато вот вчера час просидела под дулом пистолета!

Она говорит об этом так, как если бы просидела час под феном в парикмахерской. После паузы кратко рассказывает. В библиотеку, в детский читальный зал, вошел парень. Маме не понравилось его лицо, она также заметила, что у него оттопыривается куртка и он рукой придерживает то, что ее оттопыривает. Мама подошла и спросила, какую книгу он ищет. Он достал пистолет, приставил к ее виску и велел сесть за стол и молчать. Он говорит на иврите, не только на арабском. Мама поняла, что он и сам не знает, зачем делает то, что делает. Скорее всего, сумасшедший. Мама попросила его позволить детям уйти. Сотрудница Шломит увидела пистолет и очень расстроилась, настолько, что у нее началась истерика. Ко всеобщему неудобству прибавилось то, что Ури в тот день практически не мог шевелиться из-за своего простреленного позвоночника. Парень с пистолетом продолжал кричать и грозить. Мама его уговаривала не волноваться. Лучше отдать пистолет ей, потому что потом он сам будет жалеть. Сотрудница Шломит легла на пол и смеялась. Мама сказала парню: «Вот видишь, что ты делаешь! У хорошей женщины истерика!». Она опять попросила парня с пистолетом отдать оружие. Он посмотрел на нее странно: почему она с ним говорит так ласково? Она что, не боится? Мама сказала мне, что совершенно не боялась. Она смотрела много боевиков, прочитала кучу детективов и знала, как говорить. И к тому же мама – военная девочка. Она прошла огонь, воду, бомбежки, она помнит лицо немецкого летчика, который пригрозил ей пальцем сквозь стекло кабины, когда горел их поезд и они бежали под снарядами в лес. Мама говорила с больным парнем долго. Она объяснила, что в больнице ему помогут хорошие израильские врачи. Через час он отдал маме пистолет. Она тогда взяла салфетку и, не касаясь пальцами, отнесла пистолет в сейф. В эту минуту в комнату наконец вошли вызванные Ури полицейские и увели парня.

Прошла неделя, другая, на второе мамино прошение ответ не приходил. Я решила признаться жениху, что замужем. Он даже не удивился.

– Дети тоже есть?

– Детей точно нет. Что будем делать?

– Ничего. Значит, не судьба.

Мы – такое поколение, выросшее во времена лжи. Мы – пессимисты.

– Пойдем в бар?

– Пошли.

Мы пошли в бар через дорогу и чуть не пожалели об этом. Люди нашего возраста в одежде офисных работников за длинным столом отмечали что-то. Они произносили тосты. Кого-то чествовали всем отделом: то ли провожали на пенсию, то ли встречали из-за границы с премией. Какая у офисных работников может быть премия? Сейчас все может быть, любая премия по любому поводу. Может быть, не оставлять надежду? Кафка писал в дневниках, что надежда есть, но не у нас. Поскольку октябрь нам дали теплый, то мы с нашим пивом вышли на террасу и сели за стол. Неподалеку на клумбе стояли мужчина и женщина. У него в руках болтался собачий поводок, у ног – собака. Она выглядела странно. Приглядевшись, я поняла, что у нее только три ноги. Мужчина с женщиной разговаривали, не обращая на нее внимания, а трехногая собака смотрела на них снизу.

– Смотри, у нее только три ноги! – сказала я любимому.

– Точно!

Потом подошла вторая собака с полным количеством ног. Две собаки обнюхались и дружелюбно замахали хвостами. У них шел хороший разговор.

– Чем ждешь, пока тебе дадут развод, возвращаешься в Израиль и летишь с мужем в Грецию! – говорит лойер.

– В Грецию?

– Да. В Греции разведут в два счета!

– В два счета – это за сколько?

– За полторы тысячи.

– А за сколько дней?

– Пустяки! Пару недель, месяц. Покупаешься в море, поешь устриц.

Лойеры во всем видят преимущества.

– У меня нет денег, чтобы в Грецию летать.

– Возьми на кредитку!

- У меня испорченное кредитное дело.
- Одолжи у кого-нибудь, и поскорее. У твоего когда истекает виза?
- В ноябре.
- Есть за что зацепиться? Кто-то может его взять на работу?
- Нет.
- Ужас.
- Он уже не просто локти кусает, что связался с нами.

После разговора с ним звонит мама.

- У меня история для тебя.
- Ну?
- Вчера я в четыре часа, как всегда, жду свой джип на углу Герцль и Черняховского. Джип опаздывает, чего никогда не бывает. Я уже начала волноваться. Оглянулась и поняла: улица-то наша перекрыта. В это время слева появляется вереница машин и движется мимо меня с включенными фарами. Вдруг одна машина останавливается прямо рядом. Сначала там опустилось стекло, такое затемненное, знаешь. Мужчина по-английски обращается ко мне, чтобы я подошла. Я подошла, спрашиваю: «Что случилось?». В эту минуту дверь машины открывается, и я вижу Клинтона.

- Мама, ты сон рассказываешь? Так у меня нет времени, мне на работу надо.

- Да не сон, не сон... Подожди!
- Ну?
- Клинтон – самый натуральный... Билл. Президент. Понимаешь?
- Не очень.
- Они ехали по Черняховского в кнессет, и тут Клинтон увидел меня в бронезилете и каске и очень удивился, что в моем возрасте я до сих пор служу в армии. Он меня спросил, и я ему объяснила. Такой он все-таки симпатяга и джентльмен... Говорит: «Я – ваш друг! Я потрясен вашим мужеством». Я ему и говорю: «Раз ты мой друг, помоги тогда моей дочери! Она у вас в Америке живет десять лет, нашла жениха, а тут ей не дают развод в раввинате. Поможешь?». Он подозвал того человека и что-то ему сказал. Потом обнял меня, расцеловал и пошел садиться. А тот мужчина задержался, попросил дать ему твое имя и адрес. Я продиктовала, и он все записал.

- Мама, делать им больше нечего, как разводить меня!
- Я вот тоже сначала так подумала, а потом решила: чем черт не шутит, а я сделаю, что могу!

Через два дня я получила по почте письмо: мой запрос о разводе в равнине решен положительно, и скоро я получу свидетельство. Вот такая вышла история. С первым мужем меня развело КГБ, со вторым – друг мамы президент Клинтон.

Позвони мне, позвони

Карпинский и Манин учились вместе с пятого класса. Жили они по соседству, но долго не замечали друг друга. Судьба свела их в начале седьмого класса. Проходя мимо площадки для мусорных баков, Манин увидел, что из контейнера торчат чьи-то ноги. Он их узнал по характерным сандалиям с супинаторами на плоских ступнях. Вытащив Карпинского, Манин спросил:

- Нашел что-то клевое?
- Не нашел. Пацаны из шестого подъезда засунули, – без обиды объяснил Карпинский.
- Это какие же? Гошка, что ли?
- Да.
- Били?
- Били.
- Деньги взяли?
- Ага. И часы папкины.
- Позвони мне, позвони! – промурлыкал Манин. Такая у него была присказка.

Он решительно направился к рыбному магазину «Океан». Магазин недавно построили, на задворках еще стояли ящики, валялись куски изоленты, желтела похожая на грязный снег стекловата. На этих задворках собирался цвет районной шпаны. Найдя там Гошу, резавшегося в очко, Манин попросил того вернуть отобранное у одноклассника. Несколько человек хором предложили ему идти куда подальше. Манин почесал в затылке, рассматривая предложение, а рассмотрев, поднял Гошу, перевернул его вниз

головой и немного потряс. Из карманов игрока посыпались часы «Луч», пачка сигарет «Флуераш», еще одна пачка молдавского «Мальборо», рваный талон на автобус, мятые деньги. Под изумленными взглядами товарищей Манин выбрал из вытрясенной на асфальт кучи имущество Карпинского и отчалил. На следующее утро в школе он вернул деньги и часы «Луч» изумленному хозяину, и с тех пор они стали неразлучны.

Надо сказать, что и внешне, и по содержанию друзья были полные противоположности. Долговязый Карпинский был романтичен, порывист, болезнен, любил музыку, в тетради у него были русскими буквами записаны главные английские песни десятилетия – «Ви ол лив ин а еллоу сабмарин», «Хотэл Калифорния» и все такое. Добродушный круглолицый Манин отличался здоровьем, спокойствием, предпочитал западным певцам родную эстраду. И при этом они не могли жить друг без друга. Многие люди думают, что настоящая дружба нуждается в зрелости, только они, наверное, ошибаются: настоящая дружба бывает и в ранней юности. У Манина с Карпинским был симбиоз: когда Манин казенил уроки, Карпинский худел. Когда Карпинский отсутствовал, Манин скучал. Стоило им соединиться, счастливей друзей не было. Они дополняли друг друга. Карпинский увлек Манина фантастикой. Друзья и сами сочиняли истории, Карпинский оказался хорошим стилистом, но начинал всегда Манин.

– Представляешь, Карп, а что бы было, если бы мы оказались на космической станции?

Карпинский дальше разрабатывал сюжет, обсуждали, не перебивая друг друга. Могли прошататься пару часов, ходя по кругу у дома, расставались неохотно. Манин пел «Позвони мне, позвони!». Расходились по подъездам.

Утром встречались на детской площадке и вместе топали в школу. И снова – те же дела. Разговоры про фантастику, про полеты в другие галактики. Их пытались рассаживать – Манина на первую парту у двери, Карпинского – на галерку. Тогда Манин сидел на уроках спиной к доске, лишь бы видеть друга. Он жестикулировал, корчил рожи, отчего весь класс переставал смотреть на учителя и начинал смотреть на Манина. Родителей обоих вызывали в школу,

ругали на собраниях – два школьника не уважают коллектив. Родители разводили руками. Оба друга учились хорошо, и тут трудно было придраться. Вместе они окончили десятый класс со средним баллом «пять», вместе не прошли из-за пятой графы на математику. Подали на мехмат в сельскохозяйственный институт, поступили, учились, поехали на двухмесячные офицерские курсы. Там Манин понравился, а Карпинский – нет. Один раз вместо «есть, товарищ капитан» ответил «ладно» и попал в черный список. А Манин помогился со сторожевой вышки и – ничего. Его отправили на ночную вахту, он смотался в село, добыл самогон, напоил весь отряд.

Вдвоем как-то перебились, проехали ранние восьмидесятые, практику на заводе холодильников. Манин дома рассказал анекдот: «Работница завода пишет письмо в Комитет госбезопасности: «Взяла на работе запчасти для холодильника. Как не складывай, выходит пулемет».

В восемьдесят восьмом оба подали заявления в ОВИР, перебрались в Америку. К тому времени Карпинский уже был женат и дописывал диссертацию. И он, и жена, тоже физик, быстро нашли работу. Родители дали денег на первый взнос, купили дом в пригороде. Манин отговаривал, потом помогал обустраивать, заказывал стройматериалы, приезжал после работы, проверял, хорошо ли положили пол, правильно ли подключили бойлер.

Несчастье случилось в день, когда ремонтировали забор. Весь день копали, вставляли подпорки, устали, как черти. Вечером расположились на кухне, выпили водки и зачем-то заговорили о политике. Манин был большим оптимистом, ждал демократических перемен. Карпинский был пессимистом.

– Чушь собачья! Ты что, Манин, не понимаешь, что нынче демократы – не те демократы, что раньше?

Обозвал Клинтоншу блядью.

Манин бросился доказывать, что, при всем уважении к противнику, Карп – консерватор. Он горячился, говоря про иммигрантов, про реформу медицинского страхования. Про геев, про черных, про бедняков, про налоги, про дорогую медицину. Жена Карпинского умоляла успокоиться. Ничего не помогало, нашла коса на камень. Карпинский затопал плоскими ногами, назвал Манина оптимистическим идиотом. Потом сказал, что из-за та-

ких дураков, как он, скоро стране хана, разворуют все, и будет здесь, как в совке. В конце концов договорился до того, что, может, Манину лучше на Кубу поехать.

– Ну при чем здесь Куба? Ты с ума сошел! – обиделся Манин.
Разошлись врагами навек.

Для обоих начались серые будни, опустошающая душу работа. К чему вкалывать, куда стремиться в этом экономическом раю? Вечером Манин, живший в городе, выходил на балкон, с высоты пятнадцатого этажа наблюдал копошение. Броуновское движение машин. Мельтешение огней. Покажи нам нашу жизнь сверху – мы бы рассмеялись и расплакались.

Утром Карпинский вставал, ехал в офис. Русских коллег сторонился, на начальство смотрел исподлобья. Когда его сократили, он даже обрадовался. Дома на полках с книгами новых модных авторов Карпинский нашел старый томик Лема. Принялся листать любимую книжку, да махнул рукой: слишком все напоминало о счастливых временах.

– Давай пойдем на какое-нибудь литературное выступление?

– Давай! – отвечала Рая.

Она открыла «Русский бюллетень».

– В четверг будет выступать Душкин. Ты знаешь его?

– Да, конечно! Кто это?

– Это сейчас главный эмигрантский писатель! Изобличитель существующего в России порядка.

На выступлении оживленный крепыш рассказывал аудитории анекдоты. Ругал какого-то другого писателя, тоже не известного Карпинскому. В конце выступления полил грязью всех российских прозаиков, назвав их приспособленцами. Потом оскорбил всех эмигрантских авторов, назвав их местечковой массой. В общем, выступление удалось.

У выхода Карпинский наткнулся на знакомого, но никак не мог вспомнить, откуда знает его и как его звать. Продолжая мучиться чеховской проблемой с именами, перебирая и вспомнив наконец – Демидов, Карпинский автоматически протянул руку.

– Привет!

– Привет! Давно не виделись... Как ты? Куда ты пропал?

– Да вот как-то всё...

Карпинский неопределенно вздохнул и зачем-то соврал, что работает, ведет семинар в Массачусетском технологическом институте.

– На тему?

– На тему «Сбывшееся будущее». Про предсказания, сделанные писателями и оказавшиеся полезными для науки.

– Писателями-фантастами?

– Угу.

– Я бы пришел! Вольнослушателей пускаешь?

Карпинскому пришлось выкручиваться, что он уже закончил курс. Что вот новый начнется, он позовет.

– А вообще, как оно?

– Да вроде ничего! – отвечал Карпинский, шумно зевнув.

– Вижу, ходишь на выступления? Интересуешься литературой?

– Да, да, интересуюсь.

– Да, Душкин крут. А ты вот читал Черепанова? Тот вообще жуть.

– Читал, – снова соврал Карпинский.

Он оглянулся, не идет ли жена, и, увидев сквозь стеклянную дверь, что та заняла очередь за автографом, вытащил пачку сигарет и закурил.

– Как тебе его гипотеза? Мощный историк, деконструировал многое, что казалось незыблемым. Интересно ж! Он, кстати, мой соотечественник. Из Сибири. Железные яйца России.

– Дык, – в тон отвечал Карпинский.

– Я до него еще говорил, что это все делает еврейское лобби.

– Что – всё?

До этого Карпинский слушал рассеянно, а тут проснулся.

– Да ты читал или нет?

– Начал, но еще не закончил! – в третий раз за вечер соврал Карпинский.

Он уже и не краснел. С ненужными чужими людьми всегда приходится выкручиваться, врать.

Демидов, вцепившись в его локоть, продолжал пытаться Карпинского новой модной теорией про то, что газовых камер не было.

– Как не было? Что за чушь? – спросил пораженный Карпинский.

– Совсем не чушь!

– Чушь!

– Ну не знаю... – Демидов пожал плечами. – Мне интересно было.

Пожилая женщина вдруг обратилась к ним.

– Молодые люди! Вот вы тут спорите про газовые камеры... Так вот я вам покажу, что у меня на руке.

Она очень волновалась, когда подтягивала рукав кофты. Номер на коже...

Собеседник Карпинского не растерялся.

– Ну я, вообще-то, не с вами разговаривал. И я понимаю, что вы поддерживаете официальную версию.

Женщина разнервничалась от его слов.

– Нас спасли в последнюю минуту. В лагерь вошли войска союзников! – сказала она и взглянула с обидой почему-то именно на Карпинского. Карпинский отвел глаза и отошел в сторону.

– Ну так обменяемся телефонами и мылом? – спросил Демидов.

– Чем?

– Телефонами, мылом...

Карпинский по вежливости характера не смог отказать. Обменялись, короче. Потом вышла жена, неся открытой книгу выступавшего обличителя порядка. Она дула на чернильный автограф. Поздоровалась.

– Привет!

В машине Карпинский затосковал. Глупые равнодушные люди вторгаются в человеческую жизнь, могут небрежно раздавить, а потом еще обидеть, мол, что вы тут стоите на дороге, говорите какие-то жалкие слова? Не с вами же разговаривают. Он не мог ее защитить. Манин, пусть он сто раз не разбирается в политике, врезал бы.

«Позвони мне, позвони!» – пропел Карпинский и улыбнулся в темноте кабины.

США

